

АННА
БЕРСЕНЕВА

КНИГИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ – ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ЧУВСТВ:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

«ЖЕНЩИНЫ ДА ВИНЧИ»

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Лучшие годы Риты

АННА БЕРСЕНЕВА

{ СОЗВЕЗДИЕ
СТРЕЛЬЦА }

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

- Берсенева, Анна.**
Б51 Созвездие Стрельца : роман / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Супербестселлер Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-92544-5

Тонкие и сложно переплетенные нити связывают близких людей друг с другом. И поступки, и даже чувства одного из родных отзываются в жизни другого самым неожиданным образом. Особенно если чувства — сильные: любовь, влечение, гнев... Взаимный отзвук сильных чувств проходит по семье Ивлевых — Тамаре, ее мужу, их взрослой дочери врачу Марине. Кажется, что у каждого из них собственные трудности и стремления. Это естественно, ведь в тридцать лет и в пятьдесят смотришь на жизнь совсем по-разному. Но приходит время, когда выбор, сделанный матерью, почти мистическим путем сказывается на жизни дочери...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92544-5

© Сотникова Т.А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

— *М*олстый я стал. Не знаю, как похудеть.

Пассажиров в троллейбусе было всего двое, и оба дремали, поэтому разговор водителя с женщиной, стоящей возле открытого окошка кабины, был слышен Марине во всех подробностях.

— Влюбиться тебе надо, — сказала женщина.

— Влюблялся уже, — ответил водитель. — Не помогает.

— Значит, не в ту влюблялся.

Троллейбус подъехал к утренней безлюдной остановке.

— Да я в разных пробовал, — сказал водитель.

Открылись двери.

— Значит, не так влюблялся, — ответила женщина.

Марина услышала это, уже выходя на улицу. Августовское утро было так прекрасно, а разговор так безыскусен, что она улыбнулась. Хотя лично для нее ничего радостного не могло быть ни в прелести этого утра, ни в чужих разговорах о любви.

Мама уже пила кофе, просматривая на айпаде утренние новости. Она всегда вставала рано, даже зимой, а уж летом, говорила, просто преступление спать после рассвета. Когда Марине было тринадцать лет и они от-

правились в морской круиз, мама каждое утро будила ее в полутьме и вела на палубу смотреть, как солнце встает. Марина канючила, что лучше посмотрит, как оно садится, ну ладно, посмотрит и рассвет, но одного раза достаточно, солнце ведь каждое утро встает одинаково.

Однако на маму Маринино нытье не производило ни малейшего впечатления.

— Солнце каждое утро встает по-разному, — безмятежным тоном отвечала она. — И воздух каждое утро новый, и волны. Ты должна это видеть. Чехов прав: кто видел Индийский океан, тому будет что вспоминать всю остальную жизнь во время бессонницы.

Маринины доводы о том, что у нее нет бессонницы и что они же не в Индийском океане, а в Средиземном море, мама пропускала мимо ушей.

Маме всегда нравилась изменчивость мира, его новизна, и с возрастом это качество не ослабело в ней. Пожалуйста — новости на айпаде читает, киндл купила, на Фейсбуке общается. Но что-то остается в ней неизменным, и это неуловимое «что-то» напоминает о себе повседневными знаками, и привычка к раннему пробуждению — из их числа.

— Доброе утро, — сказала мама, увидев Марину на пороге кухни. — Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. — Марина была уверена, что ее голос звучит так же спокойно, как и мамин. — Поживу дня два у вас, ладно? У меня краской пахнет.

Ремонт, который Марина еще весной затеяла у себя в

квартире, двигался очень неспешно, но теперь наконец дотащился до завершающей стадии.

— А в Мамонтовке что? — Мама встряхнула стеклянную миску с разноцветными кофейными капсулами и спросила: — Какую тебе?

— Розовую, — ответила Марина. — Нет, лучше покрепче — коричневую. — И добавила: — А в Мамонтовке ничего не получилось.

Мама вставила капсулу в машинку, кофе, благоухая, полился в чашку.

— Опять не получилось, — уточнила Марина. — Почему, как думаешь?

— Потому что новый твой мужчина оказался такой же, как всегда.

— Откуда ты знаешь?

— Ну а почему еще?

— Например, потому что я такая же, как всегда.

— Это настолько очевидно, что вообще не требует размышлений.

— А что тогда требует? — вздохнула Марина.

— То, что ты раз за разом пытаешься приладиться к одинаковым мужчинам. Наступаешь на них, как на грабли. Это странно.

— Что странного? — пожала плечами Марина. — Ну да, мне нравится определенный мужской тип.

— Сомнительный тип, — заметила мама. — И почему тебе нравится именно он?

Марина не ответила. Не было у нее ответа.

— О чем пишут? — спросила она, кивнув на мамин айпад.

Спросила вообще-то машинально. Через три часа после того, как вдребезги разбились твои надежды на устройство личной жизни, и это еще очень мягко говоря, — было бы удивительно, если бы тебя интересовало что-нибудь кроме этого.

— О будущих кокусах в Айове, — ответила мама.

— Кокусы — это кто? — не поняла Марина.

— Не кто, а что — праймериз. В США началась президентская кампания, — объяснила та.

— Мама, ты счастливый человек!

Марина засмеялась и, допив кофе, ушла в ванную. Ей в самом деле стало как-то повеселее. Кокусы в Айове!.. Сколько жизни надо иметь в себе, чтобы в пятьдесят два года так интересоваться жизнью вне себя!

Марина приехала из Мамонтовки с одной сумкой, в которую сложила всю одежду без разбора. Она отнесла сумку в ванную, выгрузила ее содержимое в стиральную машину и села на пол, глядя, как крутятся в пене за стеклом легкие юбочки и сарафанчики — навязчивые доказательства того, как легко, беззаботно и весело можно было бы жить с ней, с такой яркой, светлой и беспечной. Даже куртки теплой у нее с собой не было. И не понадобилась ей куртка ни разу за все это лето, солнечное и ясное.

Глава 2

День рождения Алены Солнечкиной открывал летний сезон, хотя и приходился на последний день весны. Алена всегда приглашала гостей домой, что уже само по себе было редкостью — зачем, если можно позвать

в кафе и обойтись без лишних забот? Вдобавок она собирала компанию даже не в городской квартире, откуда проще выпроводить, а на даче, где половина приглашенных оставалась ночевать и гуляла потом весь следующий день. В общем, праздник получался заметный, и вся поликлиника его ждала, потому что именно с него всегда начиналось лето.

Марина приехала к Алене в Мамонтовку пораньше — стол накрывать. Не то чтобы она как-нибудь особенно любила домашние хлопоты, но свинством было бы не помочь. Салаты нарежь, заправь и по салатницам разложи, бутерброды с икрой сделай, соленья распредели по кабареетницам, да мало ли что еще! Ничего замысловатого во всем этом нет, но одной Алене не справиться.

Всем этим и занималась стайка Алениных приятельниц за два часа до сбора гостей.

— Надо же, как Аленке с погодой всегда везет! — сказала Ольга, размешивая оливье в классическом эмалированном тазике.

Ольга была лор-врачом, а Аленка — ее медсестрой.

— Ну так фамилия же у нее какая, — откликнулась Наташа, процедурная медсестра. — С такой фамилией — и чтоб на день рождения солнце не светило?

В общем, они готовили праздник и вели такие разговоры, о которых папа говорит, что человек должен жалеть даже об усилии лицевых мышц, затраченном на произнесение ничего не значащих слов. Папа прав, конечно. Ну что полезного или хотя бы любопытного в сообщении о том, что сегодня светит солнце? Но Марина считала, что в такие моменты смешивается мно-

гое — и что собрались все вместе, и что впереди долгий беспечный вечер, и что не только вечер, но хоть всю ночь можно будет сидеть за столом, на крыльце и в расставленных на газоне пластмассовых креслах, болтать и мельком удивляться, что звезды в темном чистом небе видятся тебе так, как виделись в юности. И если от соединения простых и неважных вещей создается ощущение счастья, значит, важной и нужной является каждая такая вещь. И разговоры о погоде тоже.

Марина за этими разговорами резала домашнюю, приготовленную Аленкой буженину. Ей всегда поручали то, что надо было нарезать тонкими ровными ломтиками или крошечными кубиками; мама называла такую нарезку на французский манер — брюнуаз.

— В хирургию тебе надо было идти, Мариш, — сказала Ольга.

И это она тоже каждый год говорила, глядя, как Марина что-нибудь нарежет, и Аленка всегда на это отвечала, что терапия Маришино призвание, а потом добавляла что-нибудь смешное и сама первая смеялась, и ее слова и смех были так хороши, так уместны в последний день весны.

Потом кто-то спохватился, что вот-вот приедут гости, а хозяйка не одета, и Аленка убежала переодеваться. Потом она появилась в ярко-голубом платье, и все стали восхищаться — может, преувеличенно, но искренне. Потом к воротам стали подъезжать машины, в калитку начали входить гости, и, как только они оказывались в общем пространстве праздника, на них словно слетали с неба золотые блески, и сразу им становилось от этого радостно и хорошо.

Все было так, как Марина и ожидала: пили и пели, танцевали и просто прыгали под музыку, как маленькие, вперемешку ели пироги и салаты, ждали шашлыков, но к тому моменту, когда они появились на столах, за танцами забыли про еду...

Шашлыки, впрочем, оказались такие вкусные, что Марина пошла поинтересоваться, кто их так тонко замариновал и так виртуозно поджарил.

Мужчина, стоящий у мангала, был ей незнаком.

— Сосед я Аленин, — сказал он, встретив ее взгляд. — Но всего неделю тут живу. Анатолий меня зовут.

— Меня — Марина. У вас очень хорошие шашлыки получились.

— Спасибо на добром слове.

Он улыбнулся. Улыбка оказалась особенная — осветила лицо, будто фонарик. Без улыбки ему было на вид лет пятьдесят, а с улыбкой стало сорок или даже тридцать семь, может.

— Держи свежий. — Он взял из середины мангала шампур с шашлыком, положил на тарелку и протянул Марине. — Остальные пусть доходят. Или и этот еще подержать?

— Раз вы считаете, что готов, — давайте!

Шашлык оказался именно такой, как она любила, не сухой и не сырой, в самый раз. Вроде бы ерунда, но приятно, что он догадался о ее вкусах. А может, и не ерунда.

Марина села на табуретку возле мангала. Анатолий присел рядом на березовый чурбачок.

— Ты ешь, ешь, — сказал он. — А то остынет.

К чурбачку была прислонена бутылка муската. Он разлил вино в два стакана, протянул один Марине.

— Рада знакомству, — сказала она.

Сладкое вино Марина не любила, тем более к мясу. Но вдруг оказалось, что именно с этим мясом именно этот мускат сочетается прекрасно. Настроение у нее и так было хорошее, а стало еще лучше.

Есть шашлык Анатолий не стал — он просто сидел рядом, и они болтали. Через десять минут у Марины было ощущение, что они знакомы сто лет, да и у него, кажется, тоже.

Домик в Мамонтовке достался Толе после смерти двоюродной тетки.

— С неба свалилось, — объяснил он. — Я эту тетю Катю в детстве только и видел. Написала мне года три назад: пенсия нищенская, на лекарства не хватает, не можешь ли. Ну, стал ей деньги посылать. Одинокая она, стыдно не помочь. А навещать — это не мог, из Читы не наездишься.

— Ты в Чите живешь?

— Жил. Теперь здесь буду. Дом тетка запустила, конечно. Но сруб крепкий. Отремонтирую, потом видно будет. Может, продам и в Москве квартиру куплю. Мамонтовка же эта золотая, говорят. Повезло, что тут скажешь. А ты с Аленой вместе работаешь?

— Ага, — кивнула Марина. — Я терапевт.

— Не позавидуешь.

— Почему?

— Да знаю я, как врачи участковые в поликлинике вкалывают. Света божьего не видят, а зарплата копеечная.

— У нас поликлиника платная, — сказала Марина. —

То есть наше отделение платное. По дополнительной страховке. Так что зарплата у нас повыше. Хотя тоже золотом не осыпают, конечно. А ты где работать собираешься?

— Посмотрим, — ответил Толя. — Я же только приехал, не огляделся еще. Без работы не останусь, думаю. Это у нас погибель, а Москве-то не так. Если у мужика голова, руки есть — заработает.

Что у него есть голова и руки, было понятно по каждому его движению — красивому, осмысленному. А еще больше по взгляду, в котором осмысленность соединялась с живым интересом. И то, что такой взгляд направлен на нее, было Марине приятно.

— Я офицер вообще-то, — сказал Толя. — Майор погранвойск. В отставку вышел. — И заметил: — Готовы шашлыки. Тащи блюдо, Маринушка. Будем гостей кормить.

Как странно, как необыкновенно он это произнес! Словно гости пришли именно к ним. И словно они с Мариной — одно целое, причем это само собой разумеется.

— Ого, сколько нажарил! — воскликнула Аленка, подлетевшая к мангалу с расписным металлическим блюдом в руках. — Хватит, Толик! Уже все объелись, больше никто не хочет. Потанцуем, потом чай будем пить. Тортов навезли — ты не представляешь сколько! — сказала она Марине, складывая на блюдо шампур с шашлыком. — Даже если все ночевать останутся, за утро и половины не съедим. Идем танцевать, идем!

И убежала.

— Ну что, пойдём и правда потанцуем? — сказал Толя.

Он не был похож на любителя танцев.

«А как, по-твоему, должен выглядеть любитель танцев?» — растерянно подумала Марина.

Толя смотрел на нее так, что было понятно: ему хочется танцевать не вообще, не абстрактно, а именно с ней.

— Выпьем для храбрости и пойдём, — заключил он, не дождавшись ответа.

Дополнительной храбрости Марине не требовалось, но она выпила еще муската вместе с Толей, и уже через минуту они вовсю отплясывали на забетонированной площадке перед домом, потом кружились в общем хороводе вокруг клумбы, и Толя держал Марину за руку, а потом танцевали среди сиреневых кустов, и это был уже не хоровод, а медленный танец, и Марина поймала себя на том, что так она танцевала последний раз в школе, на долгожданном новогоднем вечере, во время которого должны были выясниться ее отношения с Димой Серветом из параллельного класса, и выяснились... Это было так странно! Как будто не прошло с тех пор пятнадцати лет, как будто не было за эти годы множества таких вот гулянок-танцулек, и не было мужских объятий, и запаха сирени, и ничего вообще не было...

Одна ее ладонь лежала у Толи на плече, а вторая на груди. И обеими ладонями она чувствовала тепло и трепет его тела. Не обычное физическое желание, а вот именно трепет, такой неожиданный во взрослом мужчине. Потому, наверное, школьные танцы и вспомнились.

Технология праздника была у Аленки давно отработана. Уборка согласно этой технологии всегда откладывалась на утро. Остатки салатов и тортов в холодильник все равно не поместились бы, а ночь между весной и летом обычно бывала еще холодной, и они не портились на улице. Поэтому столы просто накрывались до утра большими полиэтиленовыми пленками от птиц и дождя.

Марина не видела, кто помогал накрывать столы, кто уезжал, кто оставался ночевать...

— У Алены и места для всех не хватит, — сказал Толя. — Пойдем ко мне, а, Марин?

В его словах, в его голосе не было самоуверенности, но и робости не было тоже. Он произнес их именно так, как и должен произносить мужчина. Марина кивнула. Она не могла выговорить ни слова.

Глава 3

Вышли за Аленину калитку и направились по улице к соседнему дому.

— Заборы-то у вас какие, — сказал Толя. — Выше роста человеческого.

— Ну, у Алены забор самый обыкновенный.

— У тетки моей тоже. Но ведь от бедности только. А так — Великая Китайская стена.

Заборы вдоль улицы действительно стояли сплошной стеной. Но Марина не смотрела на них. Потому что не могла отвести взгляд от Толи.

Спокойствие было в нем подсвечено легкой нервно-стью, да, именно так; Марина обрадовалась, что нашла